

СТРАНИЦЫ
ИСТОРИИ

ЛЕДОКОЛ ПРИНИМАЕТ БОЙ

В конце 1941 года из Батумского порта вышел ледокол «А. Микоян», незадолго перед этим построенный в Николаеве. Его путь лежал на Дальний Восток, в бухту Провидения. Он должен был помочь военным кораблям пройти Северным морским путем в Баренцево море, где советский флот вел суровые бои с фашистами. Черное и Средиземное моря, Суэцкий канал, Красное море, переход до Кейптауна, Атлантика, Магелланов пролив, плавание вдоль Американского материка и, наконец, бухта Провидения — вот путь, который преодолел ледокол, чтобы затем пройти еще 3.800 миль вместе с военными кораблями по Северному морскому пути и выполнить приказ Родины.

Шесть лет поиска помогли автору статьи достоверно восстановить события этого легендарного рейса. Уже найдено 43 человека — четвертая часть героического экипажа. Ниже рассказывается об одном из эпизодов рейса.

...Предполагалось, что на выходе из Дарданелл ледокол «А. Микоян» будет встречен английскими кораблями. Но... — Наши корабли не смогут это сделать, ледоколу надлежит самостоятельно прибыть в нашу базу Фамагуста на Кипре, — заявил в Стамбуле помощник английского военного атташе капитану Сергею Михайловичу Сергееву.

Но как добраться до Кипра, как пройти Эгейское море, если оно полностью контролируется фашистами, а на ледоколе нет никакого оружия? Перед рейсом все орудия, которые громили врага под Одессой, были сняты с судна. Ведь из Черного моря через проливы разрешалось пройти только безоружному кораблю.

В 01.40 боцмана Тимофея Мороз срочно вызвали к брашпилью. Там стояли уже несколько матросов. Подошел комиссар Михаил Федорович Новиков:

— Товарищи, капитан приказал немедленно выбирать якоря, только тихо...

Внезапный уход ночью советского корабля из турецких

вод избавил его от многих бед. Задержись он здесь хотя бы на несколько часов — и враг, предупрежденный теми, кто видел ледокол в Стамбуле (город кишел в то время фашистскими агентами), мог бы прервать только начавшийся рейс.

Погода была на руку морякам: ледокол скрывала густая завеса дождя. За ночь судно прошло Мраморное море, пролив Дарданеллы и вышло в Эгейское... Днем, притушив огни в топках, ледокол отстоялся в удобных заливчиках.

Капитана еще в Стамбуле предупредили, что самыми опасными будут участки пути около островов Самос и Родос, где располагались базы противника. У первой из них нужно было пройти проливом шириной всего в две мили. Отстаиваясь вблизи берега, ждали плохой погоды. И вот, наконец, ночью опять пошел дождь. Мгла скрыла Самос и все вокруг. А ледокол уже шел вперед, точнее, сказать, «крался» на расстоянии всего одной мили от берега.

Когда ледокол приближался к Родосу, его обнаружили.

— Вижу три торпедных катера, — сообщил вахтенный сигнальщик Саша Лебедев.

На горизонте появились три быстро увеличивающиеся точки. С острова Родос шли на перехват ледокола торпедные катера. По судну прозвучал сигнал боевой тревоги.

Нагнав ледокол, катера пошли рядом на расстоянии 100—150 метров. Корабль продолжал идти полным ходом и неизменным курсом. Тогда с одного из катеров в мегафон запросили на английском языке:

— Чей корабль? Куда следуете?

Ответом было молчание. Однако понять, чье это судно, было ветрудно.

Прошло несколько минут, и катера открыли огонь. Загрохотали автоматические пушки и крупнокалиберные пулеметы... И вдруг смолкли. Головной катер поднял сигнал: «Следовать за нами! Курс — к Родосу!»

Советским морякам нужно было идти мимо острова Родос, а это значило, что курс вражеских катеров и советского корабля пока совпадал. Фашисты решили, что их стрельба по кораблю заставила русских повиниться.

Капитан Сергеев по корабельной связи спокойно проинес:

— Приготовить корабль к затоплению!

По этой команде партии затопления заняли свои места и ждали только сигнала. Все матросы помнили, как в подобной безвыходной обстановке поступил экипаж легендарного крейсера «Варяг», и были готовы повторить его подвиг.

Но капитан не спешил: ведь

ледокол еще шел полным ходом и поединок не кончился.

Корабль двигался в кильватер за головным катером фашистов, пока курсы совпадали, но вот пути разошлись: остров был близко, а сдаваться в плен никто из советских моряков не собирался.

Головной катер вновь приблизился к ледоколу. Один из фашистских офицеров, видимо, поняв, что на корабле нет оружия, взял мегафон в руки и нагло потребовал:

— Русси! Сдавайтесь!

В этот момент один из трюмных матросов не выдержал, быстро выскочил из укрытия, подполз к пожарному гидропульту и направил сильную струю воды в рупор мегафона. Фашист был мгновенно сбит с ног, а матрос уже поливал других членов команды катера, не давая им подняться и открыть огонь из автоматов. Когда же раздались выстрелы, смельчак уже был в укрытии.

Ледокол между тем уходил на юг, из машин выжимали все. Но где ему было тягаться с юркими катерами, развивавшими скорость до восьмидесяти километров в час! Фашисты хотели взять экипаж в плен и захватить корабль целиком. В удаче, видимо, они не сомневались.

— Остановитесь! Иначе вы будете торпедированы! Никому не будет пощады! — кричали с катера.

А ледокол шел вперед.

Более получаса длилась эта неистовая погоня, гремел бешеный обстрел, однако никто не ушел с мостика. Капитана пули щадили. Но вот упал раненый рулевой Миша Рузаков. На его место сейчас же встал

Роман Молочинский. Выбыл из строя сигнальщик Емельян Полешук... Пули прошивали насквозь дымовые трубы, кое-где показалось пламя. Боцманская команда под огнем врага быстро гасила вновь и вновь возникавшие пожары.

Фашистов, видимо, взбесило, что обстрел причиняет ледоколу мало вреда, и тогда с одного из катеров взлетели одна за другой две зеленые ракеты. С впрямым кораблем было решено покончить. Видя, что катера обходят ледокол, чтобы лечь на курс торпедной атаки, Сергеев не потерял спокойствия. Командовал четко, молниеносно принимая решения.

Не раз фашисты выходили в атаку, но, умело маневрируя, Сергеев так ставил свой корабль, что торпеды проходили мимо. Одна из четырех торпед фашистов прошла так близко, что едва не зацепила корму. Запоздай хотя бы на секунду с подачей команды капитан или чуть замешкайся с ее выполнением экипаж — рейс окончился бы в ту же минуту.

В морской практике известны единичные отклонения корабля от направленной в него одиночной торпеды. А то, что проделал экипаж советского ледокола, поразило, должно быть, и врагов.

Неудачно закончив торпедные атаки, фашисты вновь начали бешеный обстрел с близкой дистанции. Уже более пятисот пробоин получило судно в палубных надстройках и дымовых трубах. Правда, на стальной обшивке бортов ледокола оставались только вмятины.

Под огнем врага к палубной команде приполз вестовой капитана Яша Лапа. Он передал приказ: если фашисты осмелятся пойти на abordаж, рубить их топорами, самодельными ножами, лопатами...

Тем временем старпом Николай Гаврилович Холин и помощник Николай Никифорович Марлян непрерывно вели прокладку курса и следили за тем, чтобы, выполняя маневры, корабль держался главного направления и приближался к намеченной цели...

И вдруг показался гидросамолет. Под брюхом у него висела торпеда. Он прошел на бреющем полете над кораблем, прошив палубу и надстройки пулеметной очередью, а затем с разворотом ушел вверх. Капитан внимательно следил за ним. И вот в небе повисла на парашюте черная сигара, несущая смерть. Это был особый тип торпеды. От точки приводнения, она раскручивала спиральную траекторию, словно разыскивая цель, и поражала ее наверняка. Уйти вперед было невозможно. Капитан рванул рукоять машинного телеграфа на отметку «стоп» и скомандовал рулевому:

— Право на борт!

Ледокол, быстро развернувшись на месте и дав полный ход, лег на обратный курс. Вот это и не входило в расчеты фашистских асов. Торпеда пронеслась мимо. Однако прошло несколько мгновений — и атаку повторил стремительно появившийся второй самолет. Но Сергеев вновь заставил свой корабль изменить курс и опять сумел уклониться от торпеды.

Самолеты врага, не имея больше торпед, стали пикировать на советский корабль, поливая его свинцом из своих пушек и пулеметов. Один из снарядов попал в спасательный катер. Он вспыхнул мгновенно — катер был загружен бочками с горючим. Новая опасность: вот-вот раздастся взрыв!

— Катер за борт! — прогремел с мостика голос капитана.

Под пулями врага к горящему катеру сейчас же бросились главный боцман Александр Гройсман, Павел Сизов и еще несколько матросов. Они быстро обрубили крепления и, обжигая лица и руки, сбросили катер за борт.

Растекаясь по поверхности, горящий бензин осветил быстро темнеющие к ночи облака, волнующееся море и ярким пятном запыхал в надвигающемся с юга тумане, который словно стремился укрыть советских моряков. И ледокол исчез в его густой пелене...

Э. БЕЗУГЛОВ.

На снимке: бывший капитан ледокола «А. Микоян» С. М. Сергеев.